

На правах рукописи

Киселева Надежда Александровна

**Философско-антропологические образы и смыслы любви
в русской культуре и философии рубежа XIX-XX веков**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Белгород-2015

Работа выполнена на кафедре философии и теологии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель

Липич Тамара Ивановна

доктор философских наук, доцент,
зав. кафедрой философии и теологии
ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

Варава Владимир Владимирович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры культурологии
ФГБОУ ВПО «Воронежский
государственный университет»

Филенко Любовь Павловна

кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных и социально-
экономических наук АНО ВПО
«Белгородский университет кооперации,
экономики и права»

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «**Калужский
государственный университет им. К.Э.
Циолковского**», кафедра религиоведения,
социально-культурной антропологии и
туризма

Защита состоится 17 декабря 2015 г. в 15.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам на базе НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85, к. 17, ауд. 3-33).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор философских наук

Е.А. Кожемякин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена рядом культурно-исторических, этико-социальных и научно-мировоззренческих факторов. Во-первых, в начале XXI века российское общество вступило в период своеобразной корректировки исторических, цивилизационных, морально-нравственных и метафизических ориентиров, которая содержит как положительные инновационные моменты, так и элементы релятивистские, связанные с перекодировкой традиционных духовных норм и принципов жизни.

Во-вторых, трансформация затронула сферу онтологических, смысложизненных ценностей, освободив место новым формам семейных отношений, новым способам жить, работать и любить. Любовь и брак, как некий духовно-материальный стержень, делающий жизнь человека целенаправленной и осмысленной, все больше утрачивают традиционность и определяются образами сексуальности, часто продуцируемыми индивидами под воздействием масс-медиа. Современная культура пропагандирует свободную форму сексуального поведения, практики «открытых отношений» и «пробного брака», гомосексуальных союзов, претендующих на легализацию. Подобная установка на «свободное», «прогрессивное» отношение к традиционным ценностям формирует этику, нацеленную на утверждение культа тела, когда исключительно сексуальность становится формой самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности.

В связи с этим особый интерес представляет наследие русских мыслителей, занимавшихся проблемами существования человека на рубеже XIX-XX веков, когда Россия также переживала кризис, и система духовно-нравственных ценностей подвергалась изменениям. В ту переломную эпоху новым идеям «панэстетизма» и предельного индивидуализма, зародившимся на почве «первой сексуальной революции» эпохи модерна, противостояло мировоззрение представителей русской философии и литературы – Ф.М.Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова,

Н.О.Лосского, П.А. Флоренского и многих других, – которых объединяло стремление к общей цели: на основе христианской этики, расширив её церковно-догматические рамки, найти новые пути совершенного развития человека и человечества. В духовно-нравственной атмосфере эпохи рубежа XIX-XX веков возникает и философия русского космизма, которая несла в себе специфические нравственно-этические ориентиры выживания человечества, утверждая идеи активной духовной эволюции человека и преображения Вселенной путём гармонизации научного прогресса и религиозного миропонимания. В диалоге религиозного и философского мировоззрений формируется сложная концепция любви, ядром которой становится поиск онтологических оснований любви, её способности выводить человека за пределы субъективности в мир трансцендентного.

Таким образом, эти два полюса мироощущения прошлого оправдывают нашу установку на реконструкцию единой модели любви в рамках религиозно-философской антропологии рубежа XIX-XX веков с позиции её имманентного теоретико-философского содержания и культурно-исторической специфики.

Степень научной разработанности проблемы. Заметный след в разработке темы, идей и образов любви оставили представители отечественной философии и литературы: Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев и Н.Г. Чернышевский, А.С. Хомяков и И.В. Киреевский, В.С.Соловьев и Н.Ф. Фёдоров, С.Н. Булгаков и П.А. Флоренский, Н.А.Бердяев и С.Л. Франк, И.А. Ильин и Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев и Л.И. Карсавин, В.В. Розанов и А.Ф. Лосев, и многие другие. Эти мыслители развивали художественно-эстетический, историко-философский, феноменологический, философско-антропологический и социокультурный подходы в понимании любви. Эти литературно-философские искания соотносятся с традициями отечественного богословия: Нила Сорского, Паисия Величковского, Феофана Затворника, Игнатия Брянчанинова, Макария (Булгакова), Филарета (Гумилевского), Антония (Сурожского),

Иоанна Мейендорфа, утверждавших в русской национальной культуре неразрывную связь любви духовной и плотской.

В исследованиях таких авторов, как С.С. Аверинцев, С.А. Азаренко, Ю.М. Бородай Г.Д. Гачев, И.С. Голод, П.С. Гуревич, Л.В. Жаров, О.П. Зубец, А.А. Ивин, В.В. Кожинов, Т.А. Кузьмина Д.С. Лихачёв, А.В. Лукьянов, К.Н. Любутин, В.Т. Лясковский, В.А. Малахов, Б.В. Марков, Е.Н. Некрасова, Д.В. Пивоваров, А.З. Рубинов, Ю.Б. Рюриков, А.М. Страхов, Г.Я. Стрельцова, С.Г. Семенова, Г.Л. Смирнова, Г.П. Федотова, В.В. Харитонов, В.П. Шестаков и другие, дана онтологическая, аксиологическая, философско-антропологическая, нравственная, культурологическая характеристика общечеловеческих и национальных типов, образов и моделей любви.

Специфика духовной и социокультурной организации цивилизованного человечества в русском космизме исследована в работах А.А. Аронова, Г.П. Аксенова, И.И. Булычева, В.В. Варавы, В.О. Глуховцева, В.В. Демьянова, В.Д. Комарова, В.П. Казначеева, М.А. Кузнецова, Л.А. Левиной, В.В. Лыткина, А.Д. Московченко, Ю.В. Олейникова, В.В. Рыкова, С.Г. Семенов и других.

Определённый вклад в обсуждение указанной тематики внесли диссертационные исследования последнего десятилетия, где феномен любви анализируется в различных аспектах: работы Е.С. Турутиной (2004), Е.Г. Кочетовской (2006), В.Б. Харыбина (2006), А.В. Севрюка (2006), А.М. Руденко (2007), Р.Б. Сабекия (2007), М.В. Базаровой (2008), К.Ю. Тарновского (2011) Л.П. Филенко (2012), З.И. Хабибулиной (2012) и других.

Проблемам духовного бытия человека, отечественной и мировой культуры, сущностным характеристикам духовности посвящены работы последних десятилетий: К.А. Абдульхановой-Славской, Д.М. Азаматова, Р.Г. Апресяна, Ш.П. Апрышко, Л.П. Буевой, Д.Ж. Валеева, А.А. Валькова, А.С. Гагарина, Б.С. Галимова, А.А. Гусейнова, С.И. Голода, М.Н. Громова, П.С. Гуревича, Н.И. Дряхлова, М.С. Кагана, А.Я. Канапацкого, В.А. Кувакина, А.Б. Курлова, Т.Ф. Кузнецовой, В.А. Лекторского, А.В. Лукьянова, М.А.

Маслина, М.К. Мамардашвили, Л.А. Мясниковой, Ф.Н. Неганова, Н.А. Некрасовой, Д.В. Пивоварова, С.М. Поздяевой, В.Д. Попова, З.Я. Рахматуллиной, А.В. Семушкина, В.Г. Федотовой, З.В. Фоминой, С.С. Хоружего и других.

Можно отметить, что научная и философская рефлексия в пространстве выявленной тематики упустила такой момент, как сложный диалог русских религиозных философов и писателей рубежа XIX-XX веков с гностицизмом, формирование в русской культуре модели любви на стыке православного и гностического мировоззрений. Более того, в современной науке фактически отсутствует целенаправленное и системное исследование глубинной, экзистенциальной специфики гностицизма, его отличия как от «языческой», так и от христианской аксиологии. К авторам, в той или иной степени изучающим гностические основания русской культуры и метафизики, следует отнести М.Е. Бойко, А.В. Дьякова, И.И. Евлампиева, А.П. Козырева, А.М. Эткинда, И.Г. Яковенко. Мы исходим из того, что синкретизм рациональной философии, науки, православной этики и гностического «еретизма» определил трансформацию и антиномичность образов любви в социокультурной атмосфере рубежа XIX и XX веков.

Обозначенная тема исследования в предложенном аспекте не рассматривалась в качестве предмета научно-философского понимания, что и позволило нам выявить узловые философско-антропологические и философско-культурологические проблемные точки в избранном предметном поле.

Объектом исследования является *феномен любви в отечественной культуре и религиозной философии.*

Предмет исследования – *модели любви в русской культуре и религиозной философии рубежа XIX-XX веков.*

Цель исследования: *интерпретация идей и образов любви в русской культуре и религиозно-философской антропологии рубежа XIX-XX веков.*

В соответствии с поставленной целью определяются следующие **задачи диссертации:**

– определить философско-культурологические смыслы и значения феномена любви в контексте мировой и отечественной культуры и философии;

– исследовать культурно-исторические, религиозно-мифологические и философско-теоретические истоки и трансформации традиционных парадигм любви в отечественной культуре и философии;

– выявить амбивалентность научно-философского и религиозного понимания любви в космической антропологии Н.Ф. Федорова;

– реконструировать связь гностического мировоззрения с антиномичной моделью любви в религиозной философии В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Н.О. Лосского в контексте культурного кризиса рубежа XIX-XX веков.

Теоретико-методологическая основа диссертационного исследования. Общетеоретической и философско-методологической основой диссертации является сравнительно-исторический, сравнительно-философский и философско-культурологический подходы в исследовании феномена любви в русской культуре и философии XIX-XX веков. Сложность объекта и предмета исследования обусловила разнообразие использованных методов исследования.

Историко-генетический метод помогает выявить причинно-следственные связи, которые раскрывают формирование особого понимания двояко-родственной природы любви в русской духовной культуре. Методы исторического и логического исследования позволяют проследить культурно-историческую доминанту в становлении и развитии любви как личностного чувства, открывающего пути и смыслы самореализации человека. В процессе анализа использовался компаративистский и деятельностный подходы с привлечением аксиологического принципа в

осмыслении исследуемого материала на разных культурно-исторических этапах.

Феноменологический метод напрямую сопряжен с историко-культурным и историко-философским анализом функционирования культурных явлений и схватывающих их философских концептов, что способствует раскрытию сущности любви во всем многообразии ее проявлений: от телесно-душевного уровня до культурно-исторического. Метод системного и комплексного анализа предусматривает изучение любого явления как динамической системы, обладающей своей структурой и функциональной значимостью, позволил представить комплексное осмысление роли любви как преобразующей силы в духовной эволюции человека.

В качестве источниковой базы диссертации стали труды отечественных богословов и философов религиозной направленности, русских этнографов, фольклористов и филологов.

Научная новизна исследования:

– дано понимание традиционной модели любви в отечественной культуре как универсалии и категории, интегрирующей смыслы народно-мифологических и православно-христианских архетипов со значениями светских образов, рациональных понятий и культурных практик;

– определены культурно-исторические и политико-идеологические предпосылки трансформации традиционной модели любви и эксплицированы смысловые контексты её трансформаций и противоречий в отечественной культуре XIX века;

– выявлена двойственная природа идей и образов любви в религиозно-философской антропологии Н.Ф. Федорова как теoантропоургической акции «отцетворения», связанной в русском космизме с позитивистской интерпретацией феномена любви в духе модернизированного христианства и «гностицизма наоборот»;

– реконструирована связь гностического мировоззрения с антиномичной моделью любви и её синкретическими интерпретациями в религиозной философии В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и Н.О. Лосского, оказавшейся в оппозиции к традиционным христианским смыслам и образам любви.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Религиозно-мифологические архетипы русской культуры включают несколько уровней: языческие, христианские верования и явления народного сектантства. Однако православие образует мировоззренческое ядро отечественной культуры, формирующее быт и нравы русского народа, его этнокультурные традиции, мировоззренческие приоритеты, символы и нравственно-этические смыслы любви как культурной универсалии. Религиозность русской культуры при всей её сложности и противоречивости определила ценностную ориентацию любви как культурного феномена, жизнетворящей (земной, телесно-душевной) и преображающей (душевно-духовной) онтологической силы, поддерживающей человеческий и природный мир во всеобщей гармонии.

2. Реформы Петра I, связанные с секуляризацией общества, распространением «народной веры» и индивидуализма эпохи догоняющей модернизации, привели к снижению духовного влияния церкви и десакрализации традиционной модели любви. В социокультурной атмосфере XIX века традиционно-православная этика любви утратила актуальность, проповедаются полярные идеи любви: чувственность в народной среде сочетается с аскетизмом и отрицанием плоти в сектах гностического толка, среди просвещенной общественности распространяется светская позитивистская модель любви и брака, связанная с гуманистической моралью и показным благочестием и набожностью. Многоаспектность мировоззренческих установок в понимании любви оказывается благодатной почвой для формирования её новой антиномичной модели, продуцирующей ценностные разломы в межличностных гендерных отношениях и семье.

3. Понимание любви в космической антропологии Н.Ф. Федорова строится на синтезе науки, философии, модернизированного христианства и гностического мистицизма «наоборот» (превознесение телесности). Любовь в такой интерпретации приобретает характер рационально-магического средства и механизма единения сознания, чувств и действий человека и человечества для практического воплощения федоровского проекта «воскрешения отцов». Смысловая парадоксальность любви прослеживается в том, что она становится своеобразным теoантропоургическим актом и служит не делу деторождения, а отцетворения, в котором опровергается её плотское, «родотворное» значение, и она выступает в роли родового, безличного чувства, априорно присутствующего в каждом человеке и открывающего антропокосмическую эру человечества.

4. Отечественная религиозная философия представления о человеке формирует в синтезе различных модификаций гностицизма, христианской аскезы и народного эроса. В историческо-философской концепции любви В.С. Соловьева главенствует любовь-эрос, которой он придает мистический теургический характер, смыслы тайнознания и «тайнотворчества» и вводит в эротический дискурс понятие «сизигия», заимствованное у гностиков и определяющее преобразование естества человека эротической энергией и рождение Богочеловека. П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков определяют любовь как теургию, действие самого Бога, дающего спасительную благодать на человека и возможность доразвития человека посредством любви до Бога, его «ософиение». Такие образы любви близки святоотеческой традиции, однако трактовки христианских догматов носят характер свободной теософии, испытавшей влияние гнозиса. Н.О. Лосский более последователен в стремлении сохранить в качестве мировоззренческого ориентира этику православия, его «теономная этика любви» исходит из национальной душевно-духовной ментальности (её женская вариативность), художественно-образного построения модусов любви, ориентированной на сострадание, альтруизм и жертвенность.

Научно-теоретическое значение работы определяется тем, что изложенные в ней результаты углубляют наличные представления о роли любви в духовной эволюции человека, показывая всю сложность и многозначность этого феномена. Специальное исследование трансформации образа любви от древнеславянских представлений до антропокосмизма восполняет определенный пробел в отечественной философии. Теоретические результаты исследования способствует более глубокому пониманию смысла и значения любви в жизни личности и социума.

Практическое значение исследования состоит в том, что результаты исследования внедрены в практику преподавания в ОрелГИЭТ дисциплин социально-гуманитарного циклов, специальных курсов по философской антропологии. Материалы и выводы диссертации будут использованы в различных отраслях знания (эстетике, этике, философии, истории, психологии, религиоведении), в воспитательных практиках, связанных с духовностью, духовными смыслами, творчеством и смыслом жизни человека.

Личный вклад автора заключается в обоснованной интерпретации религиозно-мифологических истоков традиционной отечественной модели любви и её культурно-исторических трансформаций в эпоху модернизации российской цивилизации. Впервые выявлены противоречия модели любви в научно-религиозном космизме Н.Ф. Федорова и реконструирована амбивалентная гностико-христианская природа идей и образов любви в религиозной философии рубежа XIX-XX веков. Лично автором введено понятие «гностицизм наоборот», раскрываются философско-культурологический и богословский смыслы исследуемых феноменов духовности и любви, что связано с авторской рефлексией проблематики в строгом, логико-философском дискурсе. Авторский вклад диссертанта состоит в обосновании теоретической и научно-практической значимости работы; в подготовке научных публикаций, отражающих ход и результаты исследования.

Апробация диссертации. Основные положения диссертации изложены в 20 публикациях автора (общим объемом 9 п.л., из них 8,4 п.л. авторские), среди которых главы в четырех коллективных монографиях и 16 научных статей, 4 статьи в журналах, включенных в список ВАК.

Результаты исследования неоднократно освещались автором в докладах на научных конференциях, в том числе: на II Всероссийской научно-практической конференции «Основные направления организации работы с молодежью в современных условиях» (Орел, 2010); VII Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной науки» (Болгария, г. София, 2011); IV Международной научно-практической конференции «Русский космизм: прошлое, настоящее и будущее» (Орел, 2011), III Международной научно-практической конференции «Основные направления организации работы с молодежью в современных условиях» (Орел, 2012), IV Международной научно-практической конференции «Традиции и современное состояние культуры и искусств». (Белорусь, Минск, 2013), V Международной научно-практической конференции «Традиции и современное состояние культуры и искусств». (Белорусь, Минск, 2014), Научно-практической конференции с международным участием «Современное гуманитарное знание» (Орел, 2014), III Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики современного гуманитарного знания» (Орел 2014), V Международной научно-практической конференции «Человек. Коммуникация. Культура» (Санкт-Петербург, 2015).

Диссертационная работа обсуждалась на заседаниях кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ» и рекомендована к защите.

Структура диссертации определена поставленными задачами и логикой их обоснования и решения. Диссертация состоит из введения, двух глав, четырех параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются его теоретические источники, степень разработанности проблемы в отечественной философской литературе, формулируются цель и основные задачи диссертации, раскрывается теоретико-методологическая основа исследования, характеризуется научная новизна и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе «Феномен любви: философское понимание и русские культурные традиции» дается теоретическое обоснование любви как социокультурной универсалии и философской категории, интегрирующей в себе разнообразные смыслы и значения, которые на уровне констант формируют традиционную парадигму любви в отечественной культуре. С этой целью исследуется религиозная направленность русской культуры и выявляется имманентная взаимосвязь понимания любви и культурно-исторических традиций народа.

В первом параграфе «Интерпретация феномена любви в контексте отечественной культуры и философии» отмечается, что, будучи сложным комплексным феноменом, «любовь» не имеет однозначной дефиниции. Размытость и односторонность в научной трактовке феномена любви вполне естественна, что связано со сложностью и объемностью этого явления, в смысловом пространстве которого соединились разновекторные начала: индивидуальное и общечеловеческое, относительное и абсолютное, сознательное и бессознательное, природное и духовное. Такой даже не амбивалентный, а *полифонический характер феномена любви* породил в науке и философии многочисленные её понятийные интерпретации, разнообразные типологии форм и образов.

В рамках философско-культурологического подхода возможна этико-философская, социально-философская и историко-культурологическая категориальная интерпретация феномена любви, что позволяет выявить и проанализировать многоуровневую, *полифоническую и диалогическую*

природу любви, отражающую её онтологическую, гносеологическую и аксиологическую сущности во взаимосвязи с проблемой изучения человека как субъекта культуры.

В отечественной философии и культурологии принято трактовать менталитет русской культуры как «диссонансный», который связан с желанием соединить несоединимое и проявляется на всех уровнях движения реального, земного мира к миру сакральному, божественному. Согласно нашей концепции, любовь является не только биологической или психологической составляющей жизни человека, но и культурной универсалией, раскрывающей мировоззренческую составляющую русского «диссонансного» типа культуры.

В национальных традициях русской культуры устойчивые константы православия и язычества обнаруживают целостность мировосприятия человека, который за реальностью физической видит иное духовно-божественное бытие, что рождает бесконечные искания скрытого смысла жизни, неразрешённые православием. Дуализм в миропонимании и миропознании, т.е. одновременное укоренение в духовном, божественном и материальном, земном бытии, приводит к усилению иррациональной природы русского характера и, как следствие, эмоционально-образному, интуитивному прозрению. Это во многом объясняет существование противоречивых пластов в русской культуре, порожденных тайной божественного: с одной стороны – тоска, страдание, чувство богооставленности, с другой – мечтательность, душевная щедрость, милосердие, вера в спасительность божественной любви.

Исследуя интерпретации феномена любви в контексте самобытности русской культуры, мы установили их имманентную взаимосвязь. Нами обосновывается положение о том, что идейно-теоретическим основанием для утверждения любви как культурной универсалии становится православие, привнесшее особый нравственно-духовный смысл в отечественную культуру и определившее её религиозную направленность. В качестве конкретной

формы выражения идеи религиозной одухотворенности, присутствующей исключительно в русской культуре, следует отметить христианский замысел преображения, утверждающий необходимость просветления мира физического, «видимого», через соединение его с метафизическим бытием. Другими словами, общественно-историческое существование личности должно быть освящено через преображающее действие всеобъемлющей духовной любви.

С религиозностью связано и формирование такого самобытного атрибутивного качества русской культуры как соборность, согласно которой все отвечают за всех и живут для всех, при этом нравственным принципом соборности является любовь, онтологический смысл которой выражает норму божественного порядка бытия. Следовательно, понимание любви как национальной культурной универсалии раскрывает ее социокультурное значение, так как любовь в русской культуре в наибольшей степени отражает духовный смысл бытия, заключающийся в понимании имманентной взаимосвязи человека с миром земным и Абсолютом. Взаимосвязь любви и культуры нами исследуется с позиции аксиологической значимости любви, так как она отражает морально-нравственные мировоззренческие ориентиры, сложившиеся в определенное историческое время.

Культурная обусловленность смысловой наполненности любви связана не только с укорененностью любви в различных культурных формах, но формирование её образов во многом зависит от культурной парадигмы, отражающей быт и нравы народа, его национальные традиции, мировоззренческие приоритеты, что и делает её самобытной национальной культурной универсалией, т.е. одним из типологических признаков именно русской культуры. Очевидно, что специфика русской культуры состоит в том, что её традиции и культурные универсалии формировались под влиянием православия, которое согласуется с этнопсихологическими особенностями характера человека, где «женская» архетипическая доминанта менталитета, проявляющаяся в языческом «обожении» Матери-Сырой земли

и православном культе Богородицы способствовала формированию «иррационального», «чувствительного», «сердечного» восприятия действительности и определила основы исконно русского жертвенно-коллективного устройства общества.

Идеализация любви в русской культуре также связана с признанием преимущества православной традиции в оформлении любви как духовной ценности, потому она определяется в единстве ее духовного и физического смыслов и выступает в качестве общественного идеала, аккумулирующего в себе лучшие общечеловеческие и религиозные свойства и качества такие как: миролюбие, смирение, незлопамятность, отзывчивость, милосердие, способность к жертве. Основное содержание культурных образов любви, сложившееся на русской почве, связано с осмыслением целостности человека как «телесно-душевно-духовного» существа. Отсюда само понятие «любовь» представлено в виде сложного комплекса терминов, выделяющих, с одной стороны, ее психо-физическую природу (материальную), а с другой – божественно-духовную (идеалистическую)

Очевидно, что русской культуре ближе оказалось метафизическое восприятие любви, потому религиозно-философская мысль создаёт образы любви, отличные от западных, и обосновывает их через понятия, раскрывающие общий характер русского жизнеустройства и целостное мировосприятие в системе «человек – природа – космос». Отсюда в религиозной философии представлен анализ любовной эмоции как особенного душевно-духовного состояния, открывающего целостность физического и метафизического начал человека, чем задается вопрос о высшей природе любви, её божественной сущности. Усвоившая православную идею преображения в качестве абсолютного смысла творческой самореализации человека, религиозная философия осмысливает любовь как универсальный путь самотворчества человека в его духовном движении к вершинам божественного бытия через оплодотворённость души духом, т.е. божественной любовью.

Собственно, в силу этого своеобразной сердцевиной отечественной интеллектуальной традиции стала религиозная философия, которая свою основную задачу определяла как освоение православного опыта рационально-теоретическими средствами, что давало возможность расширить церковно-догматическое видение проблем человеческого бытия и культуры. Однако изначально в русской религиозной философии, находившейся под влиянием восточно-христианского гносиса, который отстаивал свой приоритет в понимании спасительной истины о Боге, о его взаимоотношениях с человеком и миром на основе идеи единства откровения и умознания, содержалось зерно, могущее дать всходы сложным духовным противоречиям и непримиримым культурным практикам. Это «зерно антиномий» – поздний античный и ранний «парахристианский» гностицизм.

Гностицизм породил параллельно христианству универсальное учение, которое оказалась в радикальной оппозиции к христианскому миропониманию; более того, значительная часть всех противоречий, возникавших в развитии русской культуры и философии, были связаны именно с незримым противостоянием этих двух полярных позиций. Так на стыке православной и гностической парадигм формировались диссонансы отечественной культуры. Созданные гностиками мировоззренческие установки оказались весьма жизнестойкими, применимыми в различных культурно-исторических условиях, особенно в периоды социальных коллизий, когда реформировались ценностные основания общества. Русские религиозные философы, по-разному и в разной степени обращались к гностическим традициям в решении нравственно-этических вопросов, раскрывающих отношения между человеком и миром, человеком и Абсолютом, как правило, эти посылы к гносису были обусловлены неудовлетворенностью церковно-догматическими христианскими представлениями об устройении мира.

Идеи гностицизма, объединившие разум и веру, где примат был отдан освященному «знанию», позволили религиозным философам обосновать

представления о человеке как едином организме, в целостности его телесно-душевно-духовных начал, совместно участвующих в духовной жизни, что сделало возможным выстраивать модели обожения как преобразования не только души, но и тела. На этой основе была создана историсофская концепция, согласно которой исторический процесс есть результат постепенного одухотворения человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала, что осуществляется путем опытно-мистического познания, заимствованного у гностиков и трансформированного в особую форму – «познание сердцем».

В русской философии также присутствует и западнический подход рационалистического осмысления действительности, где преобразование мира мыслится на основе научного прогресса и смены общественных идеалов. Это материалистическое философское направление, соглашаясь с аксиологической значимостью любви, в основном выделяет «физическую» сущность этого чувства, а источник личностного и общественного совершенствования предлагает искать в иных сферах рационалистического порядка. Однако предложенный материалистами-западниками вариант понимания любви как природного инстинкта трудно соотносится с самобытным душевно-духовным складом характера русского человека, который внутренне созвучен религиозному отношению к жизни. Очевидно, что русской культуре и философии ближе оказалось метафизическое восприятие любви, потому она и создает концепции любви, отличные от западного рационализма и сентиментальности.

Во *втором параграфе «Противоречия и трансформация и традиционной модели любви в русской культуре XIX века»* автор отмечает, что русская культура имеет двуединую основу – это православие, которое выражает отношение человека к Богу и миру через духовную составляющую любви, и древнеславянская культура, где в качестве истока духовной любви представлена любовь земная в ее общечеловеческом утилитарном смысле, в

котором уже просматривается онтологическое значение любви как универсального космологического принципа устройства мира.

В древнеславянской культуре идея народности отражает следующие основополагающие национальные начала: мессианизм, уходящий корнями в культы земли и Рода; общинность, которая на новом этапе осмысления стала православной идеей соборности. Культурно-историческая трансформация этих мировоззренческих установок определила задачу русского православия как спасение мира через его преображение на основе христианской любви. Также через культы Земли и Рода выявляется чувственная сторона душевного уровня любви, включающая сексуальный, материнский, социальный и космоорганизующий аспекты. В целом культура славян, построенная на примате женского жизнеорганизующего, плодоносного архетипа, дала начало таким основополагающим ценностям русской культуры, как благородство, мягкосердие, великодушие, добротолюбие, жертвенность, которые впоследствии на духовном уровне ее развития преобразовались в божественные истины красоты, добра и любви. Ментальные доминанты славянской культуры представляют собой предпосылки, определившие возможность актуализации христианской идеологии в славянской культуре. Синкретизм этих мировоззренческих установок наполнил новым содержанием смысловое и душевно-духовное поле отечественной культуры.

В этом же направлении формируются идеи и образы любви: эксплицируя идеал всеобъемлющей любви как основы человеческого бытия, христианство задает новые ориентиры человеческой жизни, где любовь выступает в качестве универсального пути решения общезначимых смысловых и социальных проблем человека и его духовной эволюции. Давая сущностную характеристику любви, святоотеческая антропология отмечает её родственно-двойственную природу: божественную и земную, при этом акцент делается на смысле и предназначении божественной любви в земной жизни человека. Впервые человек прикасается к истокам любви в

младенчестве, когда тянется к матери, и узы любви соединяют его с нею, с ближайшим окружением, с семьей самым тесным, нерасторжимым образом. Материнской любви в православии отводится особо значимая роль, так как в ней открывается таинство любви в ее целостном и завершенном виде: от любви земной до высшей божественной.

Не менее важным в формировании ипостасного значения земной любви являются взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Любовь между мужчиной и женщиной рассматривается не столько как физиологическое влечение, приносящее чувственное наслаждение, сколько как духовный акт, поднимающий человека до трансцендентных высот, дающий истинное самозабвение. При этом чувственная любовь признается лишь в браке: во-первых, она возвышает супругов над обыденностью человеческих отношений и вводит в область сверхчувственного и сверхчеловеческого; во-вторых, наделив человека способностью сотворить подобного себе человека, Бог открывает человеку часть своего всемогущества. Следовательно, концепция половой любви в православной традиции имеет этико-сотеариологический характер, и брак понимается как онтологическое соединение двух людей в единое целое, которое совершается Богом, и является даром красоты и полноты жизни.

Главной идеей православия, определившей духовность русской культуры, является идея спасения через преображение человека и мира. Однако восхождение человека на новые ступени бытия не следует отождествлять с прогрессом – это именно духовная эволюция или преображение, где субстанциальной доминантой является любовь в ее двояко-родственной природе, когда через освоение любви земной, человек восходит до высот божественной любви, причем это восхождение определено подобием образу Божию.

Итак, феномен любви выступает в христианско-отечественной традиции практически центральной мировоззренческой категорией, связывающей воедино сферы онтологии (бытийный аспект), гносеологии

(познавательный аспект), этики (нравственно-социальный аспект) и эстетики (аспект духовного наслаждения). С позиции понимания природы и сущности любви святоотеческая мысль пытается проникнуть в тайны жизни и бытия, описать сложнейшие космические и социальные процессы, приведшие к возникновению разумной жизни, и не только описать, но и попытаться управлять этими процессами на уровне социума. Осознав любовь главной созидательной и движущей силой вселенной, христианские мыслители стремились убедить враждующее с самим собой и с природой человечество образумиться и строить жизнь по ее законам.

Традиционная трактовка любви для русской культуры базируется на интеграции смысла чувственной плодоносной любви, взятой из древнеславянской морали, и идеи христианской духовной любви, которая признает плотское начало любви в телесно-духовном браке, однако доминирует при этом ее божественная составляющая.

Однако неоднозначные отношения русской государственности и официальной культуры с церковью, начиная с петровских времен, объясняют, почему традиционный образ любви претерпевает различные трансформации. Социокультурная разнородность подходов в понимании и реализации любви сказалась и на характере ее осмысления в философии: тут присутствует и влияние западной метафизики, и восходящее к славянофилам стремление вернуться к христианским истокам и генерировать новые образы любви на религиозном основании, сближая ее с богословием, и мистико-окультные мотивы, восходящие к гностицизму.

Степень строгости гностической аскетической практики может варьироваться, но главное остается – это активная неприязнь к плоти, выражающаяся в стремлении ее подавления, что реализуется через нормы и правила поста и сексуальной аскезы. Если в христианстве половая любовь соотносится со сферой семейных отношений и несет в себе аксиологический и сотериологический смыслы, то гностико-манихейские секты не редко отвергают брак и деторождение. Деторождение в некоторых гностических

сектах порицалось ещё потому, что при умножении человечества происходит рассеяние божественных элементов. Вообще следует отметить, что в гностицизме практически не встречаются те модификации любви, о которых мы говорили в христианстве. В гностической космогонии нет места любви в христианском смысле.

Религиозно-философская мысль берет на себя обязанность, осмыслив общественные настроения того времени и ориентируясь на многоаспектность мировоззренческих установок в понимании любви, создать модель любви, тесно связанную с концепцией мистико-трансцендентного содержания Абсолюта и смысла Бытия, а также предзаданной включенности человека в систему целостности земного и Божественного.

Глава вторая «Специфика религиозно-антропологической модели любви в России на рубеже XIX-XX веков» посвящена исследованию проблемы интерпретации феномена любви и генерирования её разнообразных образов в религиозной философии XIX – начала XX веков. Разнородность идей и образов любви в этот период связана с особенностями характера самой русской религиозной философии: в ней присутствует стремление строить новую философию на православном основании, но при этом явно прослеживаются мистико-окультурные мотивы, восходящие к гностицизму и усиленные увлечением апокрифической литературой и интересом к «народной вере». Все эти духовные противоречия сказались на формировании смыслов любви, и потому в интерпретации любви как культурной универсалии отражен дух времени, связанный с утопически революционными настроениями и мессианскими ожиданиями, столь близкими мыслителям тех столетий

В первом параграфе **«Амбивалентная природа человека и любви в философской антропологии Н.Ф. Федорова»** исследован синтез мистико-гностических и теософских представлений о мире в философии «общего дела», подкрепленный рационально-позитивистским подходом в преодолении социальных проблем. Модифицирование человека и мира как

задача эволюционного процесса у Н.Ф. Федорова приобретает характер рационального, практического воплощения проекта «общего дела», весьма далекого от сакральной сущности христианской идеи спасения. Более того, христианство здесь приобретает статус нового религиозного сознания, где интегрируются философия и религия, наука и мистицизм. Замысел «воскрешения предков» несет в себе некий мировоззренческий стержень, вокруг которого происходит соединение духовных сил всех людей планеты в сознательном и высоконравственном деле управления слепыми силами природы с целью преодоления разобщенности и смерти.

В своем проекте физического воскрешения предков, который Г. Флоровский назвал «деятельным магизмом», Н.Ф. Федоров дает предельно упрощенную, фактически «материалистическую» трактовку христианского идеала воскресения, что во многом противоречит главной христианской цели спасения человека, понимаемой как преобразование его плоти. Не «умерщвляя» или «подавляя» её, философ здесь солидарен с гностической метафизикой в оценке природного естества человека как извращенного, падшего, он ставит задачу трансформации телесного начала человека через одухотворение, которое понимается как процесс регуляции сознанием всех материальных форм. Причем одухотворение на основе регуляции должно идти во всех направлениях, распространяясь и на принципы природно-смертного бытия, и на самого человека, и на все живое.

Умозаключения Н.Ф. Федорова отвергают тезис христианской этики о необходимости преобразования телесно-душевного начала человека посредством освоения им различных уровней любви: от чувственно-плотской до душевно-духовной. В качестве возможности познания истинного смысла любви в христианстве признается телесно-духовный брак, открывающий божественный смысл земной любви. Именно здесь начинаются парадоксы и противоречия «космической антропологии»: увлечение мистико-гностическим учением делает его проект непоследовательным, особенно в части осмысления преобразующей силы любви. Очевидно, если исключить

деторождение и чувственную любовь из земного существования людей, человек лишится возможности приобщения к любви высшего порядка, когда открывается ее нравственный духовный смысл. Правда, всеобщие несовершенства мирского бытия людей, по убеждению Н.Ф. Федорова, будут преодолеваются посредством особого внутреннего свойства человека – душезрения, основанием которого обозначена родовая безличная любовь, способная имманентно объединить человеческие сердца, души и умы.

Следовательно, и в самом образе любви прослеживаются взаимоисключающие установки. С одной стороны любовь имеет мистическую природу, она априорно присутствует в каждом человеке; с другой стороны, очевиден её позитивистский характер, она есть универсальное средство и механизм практического единения человечества с целью преодоления смерти. Смысловая парадоксальность любви прослеживается в том, что Н.Ф. Федоров отвергает не только природный и христианский смыслы любви, но и гностический, так как в отличие от этих мировоззренческих установок, мыслитель утверждает возможность и необходимость «научно-магического» телесного воскрешения отцов. Это и есть «гностицизм наоборот».

Для человека будущей эры осуществление сыновьего долга должно произойти хотя и осознанно, однако реализуются при этом мистические нравственные послы его души: как результат, он готов к принятию на себя «труда, тягла воскрешения», а также разделяет особый смысл и значение брака, включающий не просто соединение в плотскую единицу, а сопряжение в трудовую, тягловую единицу в общем деле отеческом. Размышляя о предназначении брака, Н.Ф. Федоров, вновь близок к гностическому пониманию эроса, так как делает акцент на том, что задача брака не в половой страсти и деторождении, смысл брака состоит в его прогрессе: в постепенном уменьшении чувственной любви и в увеличении деятельности. Следовательно, этика «супраморализма» раскрывает весьма сложный и неоднозначный мистико-рациональный образ любви.

Во втором параграфе «*Антиномичность образов любви в русской религиозной философии рубежа XIX-XX веков*» реализован историко-философский анализ феномена любви в религиозной философии в антиномичном контексте христианских и гностических концепций. Свою метафизику любви религиозные философы развивали в рамках концепции о Всеединстве и Софии, а именно: в учении о двуединой природе Софии и ее роли в эйдетическом упорядочении мира; в понимании человека, включённого в космический процесс, с целью личного участия в деле спасения мира; в этике, раскрывающей значимость духовной и половой любви. В этом явно прослеживается влияние неакадемических форм философствования, в частности, гностического и неоплатонического.

Предложенный В.С. Соловьевым путь преображения человека и мира целиком базируется на императиве половой любви, которая имеет особое онтологическое и гносеологическое значение, так как она не просто один из человеческих душевных аффектов, а сущее, посылаемое человеку свыше от Абсолюта. Чувственный эрос есть сила духовно-телесного творчества, обращенного внутрь самого носителя этой эротической энергии: благодаря ей преобразуется естество человека и рождается Богочеловек, которому доступен высший уровень бытия – всеединство, а значит бессмертие. Гносеологический аспект любви во многом соотносится с гностическим пониманием любви как тождества знания, когда тайна бытия открывается через истинное тайное знание, далеко не каждому доступное

Созданный В.С. Соловьевым новый образ любви, или иначе преображающего эроса, нашел свое развитие в тех или иных аспектах в творчестве П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского в части квалификации любви как пути спасения индивидуальности и рождения Богочеловечества, освобожденного из темницы смерти. Как и В.С. Соловьёв, они стремились к созданию универсальной синтетической системы, объединяющей философию и богословие, где сильна вера в возможность создания человеческими силами совершенного, справедливого общества,

путь к которому – это путь богочеловеческой любви. П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков также придают любви теургический характер, однако вкладывают в это понятие иной смысл. С.Н. Булгаков определяет его как «действие Бога, изливание Его милующей и спасающей благодати на человека», т.е. оно связано с боговоплощением, с возможностью доразвития человека посредством любви до Бога, его «ософиение». Отсюда идеи и образы любви этих философов близки по смысловому наполнению святоотеческой традиции. Идея преображения человека, заложенная в двойственной природе любви, обосновывается путем разграничения любви как субстанциального акта и психологического состояния у П.А. Флоренского; образ божественной любви как сущности Божия и способности к любви человека, несущего на себе печать образа Божия явно вырисовывается в этике любви С.Н. Булгакова.

Вместе с тем, характерными особенностями рецепции святоотеческого наследия в философии П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова при формировании новых идей и образов любви являются: во-первых, вольная, порой художественная, интерпретация религиозных догматов; во-вторых, мистическая интуиция, часто подменяющая религиозный опыт и ведущая к мифотворчеству; в-третьих, попытки синтезировать традицию античной философии со святоотеческим учением явно прослеживаются в онтологии, в частности, учения о Всеединстве и Софии, тесно связанные с различными смыслами любви, близки к платоновским идеям божественной абсолютной полноты жизни в любви.

«Теономная этика любви» Н.О. Лосского, исходящая из постулата органической связи этики и религии, представляет собой типичный образец собственно религиозной этики, но и у этого философа религиозность сопряжена с мистицизмом и идеализацией роли церковного учения в деле совершенствования человека и мира. Н.О. Лосский считает необходимым условием обожения человека и, соответственно, познания им абсолютного Добра, совершенную любовь к Богу, ко всем тварям и ко всем абсолютным

ценностям. В основе такой любви, предметом которой является бытие, находящееся вне человека, лежит всё то же отвлеченное единосущие, но в данном случае – это не самозамкнутость личности, но её способность «восходить к различным видам и ступеням конкретного единосущия». Высшим видом любви мыслитель определяет любовь к индивидуальной личности, поскольку любовь к неличным ценностям может быть совершенной лишь в соотношении с личной любовью.

Наиболее благодатный путь развития способности к личной любви, по мнению Н.О. Лосского, есть семья, рождающаяся на основе сочетания половой и духовной личной любви, когда сочетание двух человек является собой сверхчеловеческое живое существо, способное «давать жизнь новым людям, детям». Однако, как и предыдущие мыслители, он отдает приоритет в браке не половой, а духовной любви. Н.О. Лосский делает вывод, что основой духовной эволюции человека является любовь, преобразующая сила которой существенно возрастает тогда, когда в решимости идти путем подлинного добра человек получает сверхъестественную помощь возрастания любви – силу Божию. Однако на путь единения с Богом как с самим Добром люди вступают добровольно, будучи абсолютно свободными существами.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования, определены новые проблемы и перспективы дальнейшего философско-теоретического направления, обозначенного в работе.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **публикациях автора:**

*Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Киселева Н.А. О роли любви в эволюционном формировании «нравственного универсума» (От мифологической космологии славян к современному космизму.) // Вестник ОГУ. Серия «Новые гуманитарные исследования». – №2(16). – Орел: ОГУ, 2011. – С. 382-384.

2. Киселева Н.А. Любовь «земная» и «небесная»: от язычества к христианству // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – № 3. – Пенза: ПГУ, 2012. – С. 47-52.

3. Киселева Н.А. П. Флоренский о роли любви в духовной эволюции человека // Историческая и социально-образовательная мысль. Научный журнал. – № 4(14). – Краснодар: Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт, 2012. – С. 202-205.

4. Киселева Н.А., Липич Т.И. Гностическая парадигма в русской культуре и религиозной философии // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №14 (211). – Вып. 33. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2015. – С. 98-103.

Статьи в других научных изданиях

5. Киселева Н.А. К вопросу о формировании ценностных приоритетов в обществе // Актуальные проблемы гуманитарных наук в исследовании молодых ученых и аспирантов: сборник научных трудов. – Воронеж: АНО МОК ВЭПИ, 2008. – С. 40-45.

6. Киселева Н.А. К вопросу о содержании концепта «любовь» в философии Древней Греции // Вестник ОрелГИЭТ. – №1. 2009. – Орел: ОГИЭТ, 2009. – С.151-154.

7. Киселева Н.А. Космология любви в структуре космологических знаний // Философские проблемы науки и техники. В. 2. – Москва-Орел: ОГУ, 2009. – С. 215-222.

8. Киселева Н.А. Любовь как социокультурная детерминанта русской культуры // Современная гуманитарная наука: теория и практика: коллективная монография / под ред. доц. Воронковой. В. 2. – Воронеж: «Научная книга», 2010. – С. 14-28.

9. Киселева Н.А. Еще раз о любви как метафизической основе русской христианской культуры // Основные направления организации работы с молодежью в современных условиях: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Орел: ОГУ, ООПФ «Картуш», 2010. – С.122-127.

10. Киселева Н.А., Назарова Г.Ф. Линия любви в культурологическом пространстве русского космизма // Русский космизм: прошлое, настоящее и будущее: материалы Международной научно-практической конференции. – Орел: ОГУ, ООПФ «Картуш», 2011. – С. 113-120.

11. Киселева Н.А. Любовь как космологический принцип преобразования человека (религиозно-философский подход в отечественной традиции) // Социально-гуманитарное знание: актуальные вопросы теории и практики: коллективная монография / под ред. проф. Воронковой И.Е.– Воронеж: «Научная книга», 2011. – С.162-176.

12. Киселева Н.А. К вопросу о соотношении духовности и любви в культуре современной России // Актуальные проблемы современной науки: материалы VII Международной научно-практической конференции. Ноябрь 2011. – Болгария, г. София: ООД «БялГРАД-БГ», 2011. – С. 45-48.

13. Киселева Н.А. Христианская традиция понимания любви и русская культура // Основные направления организации работы с молодежью в современных условиях: материалы III Международной научно-практической конференции. – Орел: ОГУ, Изд. «Картуш», 2012. – С.56-68.

14. Киселева Н.А. Феномен духовности и любовь как ее ментальная доминанта (в контексте русской религиозно-философской мысли) // Государство, общество, человек сквозь призму времени и пространства: коллективная монография / под ред. проф. И.Е. Воронковой. – Орел, Изд. «Картуш», 2012. – С. 125-136.

15. Киселева Н.А. Этика любви как основа духовного становления российского общества // Научные записки ОрелГИЭТ: Альманах. – 2013№1(7). – Орел: ОГИЭТ, 2013. – С. 268-270.

16. Киселева Н.А. Категориальная интерпретация феномена любви в контексте самобытности русской культуры // Традиции и современное состояние культуры и искусств: материалы IV Международной научно-практической конференции, 28-29 ноября 2013. В 2 ч. – Минск, 2013. – Ч. II. С. 335-338.

17. Киселева Н.А. Этика любви В.Соловьева и С.Булгакова как поиск нравственного абсолюта // Научные исследования: от теории к практике: коллективная монография / под ред. проф. И.Е. Воронковой. – Орел: Изд. «Картуш», 2013. – С. 48-65.

18. Киселева Н.А. Любовь и брак в православной этике // Современное гуманитарное знание: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Орел: Изд. «Картуш», 2014. – С. 29-32.

19. Киселева Н.А. Любовь как путь совершенствования в этике Н.О. Лосского // Актуальные вопросы теории и практики современного гуманитарного знания: материалы III Международной научно-практической конференции, Орел, 18 сентября 2014г. – Орел: Изд. «Картуш», 2014. – С.33-37.

20. Киселева Н.А. Гностические корни идей и образов любви в философии В.С. Соловьева // Наука. Искусство. Культура / Научный рецензируемый журнал БГИИК. – № 3(7). – Белгород, 2015. – С. 68-77.